

ПРЕДИСЛОВИЕ

О, Небо! Ты всех истин бескорыстней,
Ты видишь все, что скрыто в нашей мгле,
Ты помогаешь тем, кто в этой жизни
Достоинно существует на земле.

Цюй Юань. Лисао¹

«Если спрятать лодку в бухте, а холм — в озере, скажут, что они в сохранности, но в полночь силач унесет все на спине, а невежда ничего не будет знать. В каком бы подходящем месте ни спрятать большое или малое, оно все же исчезнет. Вот если спрятать Поднебесную в Поднебесной, ей некуда будет исчезнуть, — таков общий закон для всех вещей».

Китай на протяжении тысячелетий успешно выполнял этот завет своего великого философа Чжуанцзы: страна замыкалась в себе и на себя, оставаясь загадкой для остального мира. Европейцы воспринимали Китай наряду с Индией — и, позднее, Японией — как страну экзотических диковинок; непривычным и непонятным казалось все — от языка и веры до придворного этикета и правил поведения в обществе.

Разумеется, китайская «самоизоляция» существенно отличалась от, к примеру, «великой изоляции» Японии: в конце концов, последняя — цепочка островов, до которой еще нужно доплыть, а Китай с его протяженной сухопутной границей, даже несмотря на строительство Великой Китайской стены, физически не мог отгородиться от иноземного влияния (благодаря которому, в частности, в Поднебесную проник буддизм). Тем не менее, страна многие века оставалась «закрытой» — и именно поэтому сумела сохранить самобытность до наших дней, вопреки глобальным цивилизационным процессам последних столетий. И сегодня, как и несколько веков назад, когда знания европейцев о Китае ограничивались сведениями Марко Поло и сообщениями отцов-иезуитов, первые миссии которых появились в Поднебесной в XVI веке, само слово «Китай» будоражит воображение, олицетворяя собой Восток — загадочный, таинственный и по-прежнему непостижимый.

Согласно конфуцианской традиции, прародителями китайцев были первоначально Фуси и Нюйва, которым наследовал первый земледелец Шэньнун, а ему — основатель китайского государства Хуанди, «пер-

¹ Перевод А. И. Гитовича.

вый император». С Хуанди, как утверждает традиционная историография, начинается эпоха Пяти императоров: это сам Хуанди, Чжунаньсюй, Ку, образцовые правители Яо и Шунь. Шунь передал трон усмирителю потопа Юю, а когда последний умер, люди пожелали видеть правителем его сына. Так в Китае появилась первая правящая династия — Ся, которой открывается эпоха Трех династий (Ся, Шан-Инь и Чжоу).

Этой эпохе наследовали эпоха Разделенных царств; эпоха Борющихся царств; эпоха Цинь, первый правитель которой взял себе титул «хуанди», каковой принято переводить на другие языки как «император»; эпоха Хань; эпоха раздробленности, или «эпоха перемен», удивительным образом совпавшая со временем проникновения в Китай буддизма (I тысячелетие н. э.); эпоха Тан, вернувшая Поднебесной ее «золотой век»; период Пяти династий и Десяти царств; эпоха правления монголов; эпоха Мин, когда были написаны романы, получившие наименование «классических» и составившие золотой фонд китайской литературы; и, наконец, маньчжурская эпоха Цинь, в которую Китай фактически «законсервировался» с точки зрения культуры и идеологии, а завет Чжуанцзы о Поднебесной, которую надлежит спрятать в Поднебесной, превратился в основополагающий принцип государственной политики.

Века XIX и XX обернулись для Китая серьезными социально-экономическими потрясениями (колониальные войны, две революции, японская агрессия, режим Мао Цзэдуна), однако религиозно-мифологическая традиция продолжала существовать, вновь и вновь доказывая свою живучесть. Пожалуй, именно она является той «Поднебесной в Поднебесной», о которой говорил Чжуанцзы. Сегодня в мире применительно к экономике Китая популярна метафора «Спящий дракон пробуждается»; что касается идеологии (в широком смысле слова), этот дракон в Китае не засыпал никогда.

Китай — безусловный социально-политический и культурный феномен человеческой истории. Нет другой цивилизации, которая отличалась бы такой же устойчивостью ко всем потрясавшим ее кризисам и выходила бы из них, говоря словами современного китайского поэта, «обновленной, но прежней». Верность традиции — Традиции, как предпочитал писать Рене Генон — проявляется в Китае во всем, в том числе и в идеологии, которая до сих пор определяет китайский взгляд на мир. Перефразируя отечественного сиолога В. В. Малявина, который рассуждает о китайской цивилизации, можно сказать, что китайская идеология позволяет человеку вновь и вновь возвращаться к истокам человечности в себе, ибо ориентирована на «технику сердца». И в этом — секрет ее поразительного долголетия.

Кирилл Королев

ГЛАВА 1

От раннего палеолита до эпохи Шан

(700 000–1750 гг. до н. э.)

По своим размерам Китай близок к целому континенту — он лишь немного меньше Европы и больше Соединенных Штатов. Северная часть страны, расположенная в полусухой климатической зоне, характеризуется жарким летом и холодными зимами, которые приносят с собою снег. На зеленом, дождливом юге, в зоне субтропиков, даже в самые холодные зимы снег выпадает крайне редко. Три основные речные системы, протянувшиеся с запада на восток, отмечают на карте эти зоны, добавляя к ним еще и центральную область: на севере — Хуанхэ (которая уже десятки раз меняла свой курс к морю); в центре — Янцзы и на юге — Сицзян. На этой территории расположены холмы и горные хребты, пустыни и плодородные равнины, леса, джунгли, ущелья, бесчисленные реки и озера. Предки больших человекообразных обезьян, предки людей и, как позволяют предположить многочисленные доказательства, их общие предки более двух миллионов лет оставляли в этой земле свои кости. На самом деле, на основании находок, сделанных в южном Китае в 1983 году, некоторые ученые выдвинули предположение, что наши первые предки появились именно тут, а не в Африке около десяти миллионов лет назад.

Что касается истории Китая, то здесь существуют две противоречивые тенденции, которые привлекают к себе внимание. С одной стороны, ни один другой народ не проявлял большего усердия в регистрации исторических событий, чем китайцы, которые приступили к ведению своих летописей в начале первого тысячелетия до н. э. и впоследствии пунктуально обновляли их династия за династией. С другой стороны, попыткам восстановить события более отдаленного прошлого отнюдь не способствовала существовавшая среди местных крестьян многовековая традиция использовать ископаемые остатки — так называемые «кости дракона» — для лечения всех мыслимых заболеваний, поскольку считалось, что драконы приносят здоровье и удачу. Эта практика не сулила особого вреда, чего, как заметил один британский ученый, нельзя сказать о большинстве лекарств, используемых в современной британской фармакологии; однако она привела к поглощению большого количества бесценной информации в желудках легковверных крестьян.

Современные теории говорят о том, что четыре с половиной миллиарда лет назад Земля появилась из хаоса, шестьдесят миллионов лет назад тщедушные, похожие на землероек создания охотились на насекомых среди крон деревьев, а около десяти миллионов лет назад произошло разделение эволюционных ветвей человека и высших человекообразных приматов. При таких масштабах современный человек, который, как принято считать, появился около ста тысяч лет назад, кажется абсолютно новым продуктом эволюции.

До находок 1983 года считалось, что антропоидные предки человека проникли из Африки на Яву, а оттуда в Китай. Они эволюционировали в древнейших истинных людей, *Homo erectus* (лат. «человек прямоходящий»), которые оставляли следы своего присутствия на юге и севере центрального Китая примерно с 700 000 года до н. э. За этим последо-

вало равномерное эволюционное развитие, результатом которого стало появление представителя древнейших ископаемых людей, известного в современных научных кругах как пекинский синантроп¹. Это название он получил в честь одного из мест своего обитания, поскольку его скелетные останки были впервые обнаружены в пещере, неподалеку от того места, где ныне находится город Пекин, а точнее, в двадцати пяти милях к западу — в горах у железнодорожной станции Чжоукоудянь. К тому времени — примерно около 400 000 года до н. э. — уже началось разделение человечества на пять основных расовых групп, одна из которых, монголоидная, как принято считать, получила свои гены от пекинского синантропа.

Размер его мозга, составлявший чуть больше 1000 кубических сантиметров, приближался к 1350 см³ современного человека, но внешний облик был не слишком привлекательным. Ростом около пяти футов, с низкими, нависшими бровями и скошенным подбородком, несомненно кровожадный и вонючий, он имел лишь три шанса из ста дожить до пятидесяти лет. Он охотился в основном на оленей, но также и на леопардов, медведей, саблезубых тигров, гиен, слонов, носорогов, верблюдов, буйволов, кабанов и лошадей; в его рацион входили орехи и дикие фрукты; и он поедал плоть, мозги и костный мозг и своих сородичей — людей, убитых ударами по черепу. Он готовил пищу, поскольку одним из первых в мире начал добывать и использовать огонь, и собирал ярко окрашенные камешки, возможно для того, чтобы, рассматривая их в свете костра, удовлетворять свое зарождающееся эстетическое чувство. Синантроп оставил после себя большое количество разнообразных каменных орудий.

¹ Наряду с пекинским синантропом некоторые ученые выделяют другой, чуть более древний вид синантропа — лантьянский. — *Примеч. перев.*

На протяжении 200 000-летнего проживания в пещере — есть ли где-нибудь еще жилище, которое бы на протяжении столь длительного непрерывного периода времени служило бы домом для человека? — он и его сородичи-троглодиты во всем Китае добились существенных эволюционных достижений. Их итогом стало появление непосредственного наследника, *Homo sapiens* (это название — «человек разумный» — пишут на латыни, вероятно, потому, что иначе оно звучало бы как насмешка). Интересно, что неандерталец, предшественник *Homo sapiens* в Европе, по всей видимости, никогда не появлялся в Китае, и это подкрепляет позицию тех ученых, которые считают, что он был эволюционным тупиком, а не прямой дорогой, ведущей к современному человеку. Вызывает интерес также и тот факт, что синантроп и его потомки несли в себе гены не только представителей различных типов монголоидной расы, которых мы называем китайцами, но и большинства дальневосточных рас, а также эскимосов и американских индейцев.

Хотя предки современного человека в Китае впервые достигли стадии *Homo sapiens* в нескольких разрозненных местах, разбросанных по югу и северу страны, примерно за 50 000 лет до н. э. люди, представлявшие разнообразные культуры, уже расселились по всей территории Китая. Наиболее известные останки их сородичей, датированные XVIII тысячелетием до н. э., были найдены в тех же самых горах у Чжоукоудянь, где когда-то жил пекинский синантроп, но в более высокой пещере, после этой находки получившей название Верхняя пещера.

Они принадлежали культуре позднего палеолита и мезолита, следы которой встречаются во всех частях земного шара. Эта культура проявляла завидную изобретательность, без устали отмечая триумф *Homo sapiens* все новыми эволюционными вехами. К окончанию последнего ледникового периода здешние люди стали «профессиональными» охот-

никами и собирателями. Те из них, которые жили в Верхней пещере, охотились на тигров, леопардов, кабанов, волков, оленей и газелей в лесах и степях, а также ловили огромных рыб в близлежащих озерах. Они использовали не только камень, но также кости, раковины и дерево, чтобы изготавливать копыя и гарпуны со съемными наконечниками, луки и стрелы и разнообразные специализированные инструменты с гладко отполированными лезвиями. Они строили временные летние жилища вдали от «зимней» пещеры. Они использовали иглы с ушком, чтобы шить из кожи одежду и различные емкости для хранения и переноски продуктов. Они усовершенствовали топор, изобрели кирку и тесло и, когда количество крупной дичи сократилось, начали изготавливать ловушки для мелких животных, а также крючки и сети для рыбной ловли. Новые инструменты привели к появлению выдолбленных из цельных стволов дерева каноэ, которые позволили людям добавить к освоенным территориям водные просторы.

По всей видимости, это было первобытное клановое общество с наследованием по материнской линии, поскольку статус отца просто не мог возникнуть до тех пор, пока не была осознана неочевидная связь между совокуплением и беременностью. Путем логических построений ученые пришли к выводу, что древние люди имели тотемы, табу, обряд инициации и другие ритуалы, уважали мертвых, боялись духов, верили в женское начало или богиню-мать, а также обладали всеми прочими характерными особенностями, до сих пор сохранившимися среди примитивных племен. Очевидно, военные действия начались только в более поздний период: в конце концов, охотничьи угодья были большими, а население всего земного шара не хватило бы, чтобы заполнить современный мегаполис. Люди перемещались маленькими группами, как та, которая оставила свои реликты в горах к западу от Пекина.

После завершения последнего ледникового периода, который закончился около X тысячелетия до н. э., установившийся на Земле климат и геофизические условия предоставили человеку возможность сделать первые шаги от выживания к цивилизации. Примерно к VIII тысячелетию до н. э. жители междуречья Тигра и Евфрата начали заниматься сельским хозяйством. Они засевали почву и одомашнивали животных. И начали изготавливать глиняную посуду, в чем более поздние поколения добьются огромного технологического прогресса. Но самое главное то, что эти достижения, обеспечив излишки и досуг, приводили к строительству городов, из чего вытекало появление науки, торговли, искусства и политики.

В послеледниковом Китае, который был более теплым и влажным, чем сегодня, сельскохозяйственная революция произошла позднее. Если взять область, расположенную на севере, проведя ее границы приблизительно в ста пятидесяти милях к западу от того места, где река Вэй впадает в Хуанхэ, в нескольких сотнях миль вниз по течению последней, и в паре сотен миль с каждой из сторон, то перед нами предстанет колыбель китайской цивилизации. Здесь, в плодородных равнинах и долинах, к началу V тысячелетия до н. э. люди достигли финальной стадии усовершенствования инструментов каменного века и основали множество сельскохозяйственных общин.

В отличие от своих товарищей на юге, тоже научившихся делать глиняную посуду, но продолжавших жить в пещерах, они строили маленькие дома, как правило круглые, но иногда и прямоугольные, от шести до девяти футов в диаметре, с глинобитными полами, обычно ниже уровня земли, а также выкапывали ямы для хранения зерна, которое обрабатывали при помощи ступки и пестика. Они изготавливали копья, гарпуны, стрелы, мотыги, резцы и серпы; среди останков

Девять девяток и конец зимним холодам.
Китайская народная картина из коллекции академика
В. М. Алексеева.

По преданию, зимние холода в Китае длятся 81 день («девять девяток»). По таким календарям отмечали погоду каждого дня (кружки на поясах борющихся мальчиков — именно для пометок), чтобы знать, к чему готовиться, — к богатому урожаю или к засухе и т. д.

встречаются костяные вязальные спицы, заколки и бирюзовые украшения. В печах, нагревавшихся до девятистот градусов по Цельсию, они обжигали грубую глиняную посуду, обычно красного или коричневого цвета, кувшины и чаши без особых декоративных излишеств. Они одомашнили свиней и собак, а также экспериментировали с выращиванием различных видов местных растений, среди которых были два вида проса, артишоки, соя, чеснок, просвирник, лук и капуста, а еще — персики, сливы, абрикосы, хурма и шелковица, не говоря уже о конопле. (На юге почва рождала иной, не менее широкий диапазон растений, включавший рис, таро, ямс, красную фасоль и шпинат, а также апельсины, кумкваты, мушмулу, маслины — и чай.)

Первые ясные представления о жизни древних сельскохозяйственных общин, существовавших на протяжении V–IV тысячелетий до н. э., появились в результате открытия археологической культуры Яншао, получившей свое название от деревни на берегу Хуанхэ. Распространение культуры Яншао не ограничивалось средним течением реки Хуанхэ, там, где в нее впадают реки Вэй и Фэнь — например, с региональными вариациями, она отмечена также достаточно далеко на западе, на северо-востоке, вдоль побережья, и в верховьях Янцзы. Различные фазы ее развития продолжались около двух тысяч лет, оказав определяющее влияние на формирование китайской цивилизации.

Люди продолжали заниматься охотой и рыболовством, а также собирать каштаны и лесные орехи в тогдашних изобиловавших природными богатствами лесах. Но, по сути, это были сельскохозяйственные общины, как и их предшественники, выращивавшие просо (часть перерабатывалась в муку) на севере, рис на юге и разнообразные овощи; содержавшие не только одомашненных собак и свиней, но также крупный рогатый скот, овец и коз. И они стали разводить шелковичных червей, положив начало производству продукта, который, как ни один другой, отличает китайцев. Их техника сельскохозяйственного производства основалась на подсечно-огневом земледелии, и поэтому время от времени они переносили свои поселения, чтобы оставить обрабатываемые земли под паром.

Эти поселения были большими, до шестнадцати миль в поперечнике. В них могло насчитываться до сотни домов, сгруппированных у центра, окруженного рвом, за которым с одной стороны находилось кладбище (для взрослых; детей хоронили в канавах между домами), а с другой — печи для обжига керамических изделий. Загоны для животных и кладовые были сосредоточены в середине. Дома имели укрепленные огнем полы, расположенные ниже уровня земли,

обмазанные глиной плетеные стены и соломенные крыши на деревянных столбах; в каждом доме был свой очаг. Дома были организованы группами, перед каждой обычно размещался более крупный по размеру дом с внутренними отгороженными друг от друга помещениями, а иногда вытянутый по форме, более шестидесяти пяти футов в длину и двадцати пяти в ширину. Организация этих поселений навела ученых на мысль о существовании клановой системы, которая была вплетена в ткань будущего государства. Другим предвестником цивилизации стала керамика: изготовленная на гончарном круге, порой достаточно красивая, с тисненым орнаментом в виде циновки или прутьев корзины, либо глазурованная, с красными или черными узорами. Огромное значение имеют украшающие ее символы, в которых некоторые ученые видят источник китайской письменности.

В течение III тысячелетия до н. э. представители культуры Яншао из различных регионов общались друг с другом — начался процесс построения нации, — и к концу тысячелетия эту культуру сменила более развитая культура Луншань. Наиболее примечательные археологические находки, относящиеся к этой культуре, были обнаружены на всей обширной территории средней части бассейна Хуанхэ, а также вдоль течения Янцзы и далее на восток до самого побережья. Дома теперь чаще имели прямоугольную форму и иногда сооружались на приподнятой над землей платформе, а самой примечательной чертой поселений нового типа стала окружающая их стена. Китайцы начали формировать свою репутацию величайших строителей стен на земле. Например, в одном месте стена высотой двадцать футов и шириной тридцать тянулась вдоль периметра длиной около четырехсот ярдов: начав свою работу с выкапывания рва шириной более сорока и глубиной пять-шесть футов, строители выложили вдоль одной из его сторон слой лесса — местной осадочной горной породы желтого цвета, рожденной сухими

северными ветрами, дующими со стороны пустынь, — и утрамбовали; затем добавили еще один слой лесса, чуть уже предыдущего, тоже утрамбовали и так далее, слой за слоем. В результате получилась стена, от края рва постепенно сужающаяся кверху.

Эти стены свидетельствуют о потребности в обороне, а большое количество наконечников стрел и копий среди археологических находок — о периодически вспыхивавших боевых действиях: на самом деле, на одном из участков раскопок были обнаружены останки скальпированных или обезглавленных людей. Более богатые захоронения, часто с украшениями или предметами личного потребления, говорят о возросшей религиозности, как и появление ритуальных сосудов среди самой высококачественной керамики, изготовленной на гончарном круге и обожженной при высокой температуре. (Высокотемпературный обжиг «ответственен» и за появление первых изделий из металла — медных сплавов и даже бронзы.) Интересным аспектом культуры Луншань является появление практики гадания по костям, в ходе которой лопаточные кости животных обжигались до появления на них трещин, затем истолковывавшихся как послания богов — добрых и злых, которые, где бы они ни существовали, живут в умах китайцев, по крайней мере умах простых и неискушенных, и по сей день: это не группы богов, как в античном греко-римском пантеоне, и не единственный бог, как в христианстве или исламе, а целые полчища.

Таким образом, в этот период китайской истории, известный как период культур Яншао и Луншань, длившийся с V по II тысячелетие до н. э., произошли важные изменения: усиление дифференциации населения по богатству и политическому могуществу, увеличение роли ритуалов (следует помнить о том, что ритуализованное поведение является одной из самых стойких характерных особенностей китайского общества), усиление насилия как во внутренних, так и

во внешних взаимоотношениях, увеличение обмена товарами и идеями между различными центрами, зачатки металлургии и, в конце периода, появление искусства и знаменитой письменности. Мы добрались до зарождения китайской цивилизации.

Письменность развивалась на протяжении нескольких тысячелетий, от первых символов на керамических изделиях V тысячелетия до н. э. до настоящих надписей на бамбуковых и деревянных дощечках, относящихся к XXII веку до н. э. Это был век, когда, согласно традиции, появилась первая китайская династия — династия Ся. Сегодня ученые в целом согласны с тем, что династия Ся представляет собою исторический факт. В то время существовало несколько десятков маленьких «государств», и, возможно, Ся было среди них самым сильным и развитым. По всей видимости, одна из столиц Ся находилась на берегу реки Ло, неподалеку от места ее слияния с Хуанхэ, в пределах той же самой обширной территории распространения культур Яншао и Луншань. Здесь обнаружены остатки двух больших дворцов, один из них представляет собою в плане почти правильный квадрат со стороною триста пятьдесят футов. Камень, раковины и кости по-прежнему обеспечивали жителей Ся сельскохозяйственными орудиями, но в их обиходе присутствовали также сосуды и оружие из бронзы, не говоря уже о широком диапазоне гончарных и кожаных изделий.

Разумеется, ускорение прогресса на рубеже III и II тысячелетий до н. э. происходило не только в Китае. Этот период также отмечен развитием устойчивых городских сообществ на территории Месопотамии, Ливана, Анатолии, Ирана и Центральной Азии, расцветом долины Инда, строительством пирамид, начавшимся с появлением первых египетских династий, и прибытием древних греков (ахейцев) в Пелопоннес. И здесь мы можем сделать паузу, чтобы подытожить содержание предыдущих страниц: за бесчисленные миллионы

лет в Китае человекообразная обезьяна эволюционировала в древнего человека, а затем в человека современного, который от обитавшего в пещерах охотника дошел до сопричастности трем величайшим достижениям, сформировавшим наш мир, — практике земледелия, начавшейся на Среднем Востоке около VIII тысячелетия до н. э. и повлекшей за собой основание деревень и городов; развитию металлургии, также открытой на Среднем Востоке, после того как какой-то гончар, возможно, еще до начала III тысячелетия до н. э., впервые заметил, какое воздействие оказывает жар его печи на медь и другие минералы; и, наконец, регистрации событий и общению при помощи письменности, по всей видимости зародившейся в III тысячелетии до н. э. в храмах Шумера, где местные жрецы вели с ее помощью учет подношений. Китайцы, особенно в центральной области, вокруг которой Хуанхэ по пути к морю описывает восточную часть своей гигантской, вытянутой на юг петли, откликнулись эхом на эти достижения, добавив к ним некоторые собственные отличительные черты, такие как производство шелка. Но были ли эти достижения на самом деле всего лишь эхом того, что происходило на Западе, или же они явились спонтанными? Поиск ответа на этот вопрос, который давно является предметом ожесточенных споров, ставит перед нами новый вопрос: как в те далекие времена культурные связи могли распространяться на столь обширные и труднопреодолимые территории — преодолевать тысячи миль высочайших горных хребтов и бескрайних пустынь?

Что касается земледелия, то возделыванию злаков на плодородных лессовых террасах, вытянувшихся вдоль реки Хуанхэ, можно было научиться у самой природы, которая распространяла и выращивала семена, в то время как содержание в загонах послушных животных могло показаться более надежным способом обеспечения едой, чем охота. Китайская письменность имела длительный период местного созрева-

ния, и она не содержит никаких признаков внешнего влияния. Таким образом, остается только металлургия. Китайцы начали выплавлять медную руду к III тысячелетию до н. э. Области, где это впервые произошло, имели собственные богатые запасы руды, и в то время как египтянам пришлось потратить целое тысячелетие на то, чтобы научиться получать бронзу из собственной меди, китайцы открыли для себя бронзу очень рано (около 2200 г. до н. э.). Из-за того, что их медная руда обычно содержала примеси, в том числе и олова, они могли наткнуться на процесс смешения меди и олова для получения бронзы по счастливому стечению обстоятельств.

Как бы то ни было, к 2200 году до н. э. из тумана истории проявилась первая китайская династия верховных правителей, династия Ся, смутное представление о которой долгое время позволяли составить только мифы и легенды, прежде чем археология сумела неуверенно подтвердить факт ее существования.

Эти мифы и легенды описывают версии космического генезиса, достаточно сильно отличающегося от того, который описан в Библии, и даже от тех, которые представлены на этих страницах. Некоторые из них удивительным образом предвосхищают современную теорию: из Великого Начала, полной пустоты, появились первичная материя и жизненные силы. Все, что было «легким и чистым», поднялось вверх и образовало небо, а «тяжелое и грязное» опустилось вниз и образовало землю. Затем, без чьей-либо помощи, начали возникать существа, которые, будучи непохожими друг на друга, разделились на различные виды рыб, птиц и зверей. И наконец, человек родился из небытия, чтобы обрести форму в бытии. Другой миф о творении, также предвосхищающий западную концепцию Создателя, является более красочным. Вначале, гласит он, вселенная была яйцом. Яйцо раскололось, верхняя его часть стала небом, нижняя — зем-

лей, а из самого яйца появился прародитель всех людей Пань-гу. На протяжении восемнадцати тысяч лет он рос и достиг гигантских размеров. После смерти он распался на части: его глаза стали солнцем и луной, кровь — реками и морями, жилы — дорогами, плоть — землей, волосы — лесами, капли пота — дождем, дыхание — ветром, а блохи, жившие на его теле, — прародителями людей. На протяжении 216 000 лет двенадцать Небесных Императоров управляли вселенной. За ними последовали три правителя с человеческими головами и змеиными телами. Они дали рождение династии земных императоров, из которых пятеро последних признаны первыми китайскими историческими записками, появившимися за век до рождения Христа. Самый знаменитый из них, Хуан-ди, или «Желтый император», считающийся героем-основателем Китая, взшел на трон в 2698 году до н. э. Кроме того, что ему удалось победить воинственных варваров и утвердить превосходство «земли за перевалами» — территории в среднем течении Хуанхэ за окружающими горными цепями, — он ввел институт правления, в то время как его первый министр придумал письменные символы.

Мудрое правление Желтого императора стало золотым веком, на протяжении которого все люди были чисты сердцем и жили в процветании, внося свой вклад в развитие цивилизации. Его последователи, чье правление также проходило в гармонии с окружающим миром, ввели астрономические наблюдения, календарь и контроль над наводнениями. Каждый из этих правителей занимал престол не по праву рождения, а благодаря своим личным достоинствам. Так, например, рассказывают, что, когда один из них, которого звали Яо, состарился и решил найти себе достойного преемника, мудрецы посоветовали ему обратить внимание на скромного крестьянина по имени Шунь: «Он сын слепого человека. Его отец глуп, его мачеха сварлива, а сводный брат высокомерен. И все же он живет в гармонии с ними, проявляя ис-

ключительную почтительность. Он умеет справляться с собою, и его сердце не ожесточилось». Услышав этот хвалебный отзыв, правитель решил отдать Шуню в жены двух своих дочерей и понаблюдать за его поведением. Испытание прошло успешно. «Послушай, Шунь, — сказал Яо, — я проверил твои советы относительно тех дел, о которых мы говорили. На протяжении трех лет они приносили хорошие результаты. Я хочу, чтобы ты занял мой престол и стал государем». Шунь поначалу возражал, говоря, что он недостаточно добродетелен для того, чтобы справиться со столь ответственной задачей, но в конце концов все-таки согласился с предложением Яо.

Впоследствии Шунь уступил престол Юю, усмирившему потоп, а Юй положил начало династии Ся, в которой насчитывалось семнадцать правителей, благодаря чему потомки присвоили ему царственный титул Добродетельный Основатель Династии. Последний представитель его династической линии, правивший спустя пятьсот лет, оказался совсем другим человеком. Это был жестокий и порочный тиран, и его совершенно заслуженно свергли с престола, который заняла первая династия, ясно и определенно предстающая перед нами в свете истории, — династия Шан, согласно традиции, начавшая свое правление около 1750 года до н. э.

ГЛАВА 2

Династия Шан

(1523(?)–1027(?) гг. до н. э.)

Прежде чем мы начнем проследить судьбу Шан, следует отметить, что в то время в различных частях Китая появлялись другие, возможно, сравнимые по уровню, быстро развивавшиеся общества, и, несомненно, многие другие еще будут открыты в ходе дальнейших археологических раскопок. Хотя между всеми ними существовали сильные различия, в то же время у них было много общего. Однако мы сосредоточим свое внимание на хорошо задокументированной истории Шан, поскольку она представляет собой ту золотую нить, по которой ученые прослеживают ход развития китайской цивилизации.

Будучи оторванными от своих племенных земель на окраинах Ся, шанцы столетие или более переносили столицу с места на место, пока незадолго до 1400 года до н. э. их правитель Паньгэн не выбрал место для основания Великого города Шан. Этот город находился неподалеку от современного Аньяна, немного к северу от реки Хуанхэ, на полпути между ее восточным изгибом и морем, примерно в четырехстах милях к юго-западу от современного Пекина. Место, которое выбрал Паньгэн, с трех сторон было защищено ре-

кой, а с четвертой стороны построили массивную стену с двойными воротами, увенчанными башней.

Акры плодородной лессовой почвы за пределами города орошались и интенсивно обрабатывались для получения урожая зерновых культур. Местные крестьяне вспахивали землю вручную, используя раздвоенные лопаты. Коровы, овцы и козы паслись на пастбищах; откармливаемые зерном собаки дополняли рацион шанцев, а волов и буйволов они содержали в качестве вьючных и упряжных животных.

Внутри городских стен росли дома для быстро увеличивающегося населения. Эти прямоугольные жилища сооружались на приподнятых платформах из утрамбованной земли, настолько твердых, что их не смогли размывать дожди трех тысячелетий; по краям платформ располагались парные столбы, на которые опирались легкие стропила, поддерживающие остроконечные крыши из обмазанных глиной циновок. Столбы были украшены резьбой, а комнаты разделяли ширмы. (Принцип остроконечной двускатной крыши на столбах и приподнятой над землей прямоугольной террасы многие века позднее используют и греки.) Для менее привилегированных горожан, а также для хранения продовольственных запасов сооружались похожие на улья строения из предыдущих эпох, погруженные в землю на глубину до семи футов. Самые крупные строения окружались стенами, которые образовывали внутренние дворики, как, например, стена вокруг комплекса зданий царского дворца, раскинувшихся на площади более шестнадцати акров: внутри богатые интерьеры, украшенные настенными росписями из красных, белых и черных узоров, тонкой резьбой, а также инкрустациями из перламутра и кабаньих клыков.

Возле дворца располагался квартал ремесленников, где местные мастера вылепляли, вырезали, выковывали, вытачивали и ткали бесчисленные артефакты. В многолюдных

аллеях резчики по камню изготавливали мраморные браслеты, нефритовые кольца, статуэтки людей и животных, а также предметы повседневного обихода, такие как ножи и блюда, сохранявшие в себе отголоски каменного века. Резчики по кости, в том числе и черепашьему панцирю, выделывали самые разные предметы, от искусно вырезанных черпаков до булавок со скульптурными головками, часто отполированных до зеркального блеска. Среди кузнецов были мастера, изготавливавшие тонкие ювелирные изделия; резчики по раковинам выделывали украшения из перламутра, гребешки и заколки; были также мастера по нефриту и коже. Текстильщики и меховщики выкраивали и шили одежду с рукавами и пуговицами. Они стали родоначальниками шелковой индустрии, так описанной древним поэтом:

Тепло с собою несет весна,
Уж песня иволги вдали слышна.
Вот девушка вышла с корзинкой в руках,
По узкой тропинке идет она.
И все она ищет, где листья нежней;
Тутовника ветки пригрела теплынь...
В восьмую луну крепки тростники —
Мы режем тростник и камыш у реки.
Луна шелкопрядов — зеленый тут,
Мужчины тогда топоры берут —
Верхушки со старых срежет топор,
А с юных — зеленый убор сорвут!
Кричит балабан о седьмой луне.
В восьмую — за пряжу садиться жене.
Мы черные ткани и желтые ткem...¹

Хотя в квартале ремесленников изготавливались по большей части предметы повседневного обихода, такие как ру-

¹ Здесь и далее стихи из «Шицзин» в переводе А. Штукина.

коятки для оружия и инструментов, лодки и колесницы, многие из них были настоящими произведениями искусства. Например, гончары, выделявавшие серую или красновато-коричневую посуду для бытовых нужд, также лепили тонкие, похожие на белый неглазурованный фарфор изделия для торжественных ритуалов и церемоний, а еще различные статуэтки и модели, варьирующиеся от гротескных до изящных. На самом деле, некоторые работы шанских мастеров стоят в одном ряду с лучшими произведениями искусства их современников, представляющих критскую, египетскую и вавилонскую цивилизации. Это справедливо, например, в отношении превосходных мраморных скульптур, которые были преимущественно черными, а также более массивными, чем все достижения их последователей — целые быки, превосходящие размером натуральную величину, и драконы с рогами более чем в один фут, кажущиеся неестественными и поэтому несколько чуждыми для западных глаз. Но величайшим достижением шанцев была бронза.

Хотя из бронзы отливались оружие, инструменты и украшения, ввиду недостатка металла большая его часть шла на изготовление ритуальных сосудов для религиозных церемоний. О самых лучших из них выдающийся китаист Х. Крил написал, что это

почти несомненно самые прекрасные вещи подобного рода в мире; вероятно, это даже самые изысканные предметы, которые человек когда-либо создавал из металла, независимо от времени или места.

Их отличительной чертой является сложное переплетение рельефных линий, некоторые выступают над поверхностью более чем на четверть дюйма, образуя регулярные узоры, а также изображения реальных и вымышленных существ, из которых наиболее характерным является то, что принято

называть головой чудовища Таоте — геометрически представленная маска животного, разделенная на две части, каждая из которых формирует очертания других животных, так что, например, ухо может быть телом дракона, которое, в свою очередь, образует часть птицы. Среди сосудов были и чаши для жертвенного вина высотой один фут, и контейнеры на трех ногах, один из которых, предназначавшийся для церемониальных возлияний, назывался *чжуи*, возможно, в честь птицы, чьи крики, как считалось, означают «Умеренность! Умеренность! Достаточно! Достаточно!»

Шанские мастера, изготавливавшие предметы из бронзы, придумали мехи, чтобы с их помощью поддерживать жар в печах на нужном уровне, когда плавил медь (восемьдесят три процента) и олово (семнадцать процентов). Будущие изделия сначала лепили из воска, который затем покрывали тонкими слоями жидкой глины, точно повторявшей самые тонкие фрагменты узора. Когда слой глины становился достаточно толстым для того, чтобы выдержать обжиг, воск растапливали и выливали наружу, после чего в получившуюся форму заливали расплавленную бронзу. Когда металл остывал, глиняную форму раскалывали и извлекали из нее бронзовое изделие, готовое к полировке и иногда раскрашиванию узора. Как ни просто звучит, технически этот метод до сих пор не превзойден, даже со всеми достижениями XXI века.

Один специалист по древнему искусству столь невысокого мнения о китайской бронзе, что, по его собственным словам, скорее украсил бы свой дом старой кухонной плитой. На самом деле, чтобы оценить эти произведения искусства по достоинству, жителям Запада требуется выработать в себе особый вкус. Как писал Крил: «Только постепенно приходишь к пониманию, что эти животные и узоры, которые кажутся нам гротескными, имеют вполне определенное значение... По мере того как человек видит больше и узоры

Содержание

<i>К. Королев. Предисловие</i>	5
<i>ГЛАВА 1.</i>	
От раннего палеолита до эпохи Шан (700 000–1750 гг. до н. э.)	9
<i>ГЛАВА 2.</i>	
Династия Шан (1523(?)–1027(?) гг. до н. э.)	24
<i>ГЛАВА 3.</i>	
Западная Чжоу (1027(?)–771 гг. до н. э.)	42
<i>ГЛАВА 4.</i>	
Восточная Чжоу (771–476 гг. до н. э.)	57
<i>ГЛАВА 5.</i>	
Восточная Чжоу (771–476 гг. до н. э.). Продолжение	72
<i>ГЛАВА 6.</i>	
От Конфуция до империи	89
<i>ГЛАВА 7.</i>	
От Конфуция до империи. Продолжение	106
<i>ГЛАВА 8.</i>	
Цинь в Китае	125

<i>ГЛАВА 9.</i> Ранняя Хань (206–141 гг. до н. э.)	144
<i>ГЛАВА 10.</i> Ранняя Хань. Продолжение: У-ди (141–87 гг. до н. э.)	162
<i>ГЛАВА 11.</i> Ранняя Хань. Окончание (87 г. до н. э. – 9 г. н. э.)	178
<i>ГЛАВА 12.</i> Междоусобица (9–25 гг.) и реставрация династии Хань	194
<i>ГЛАВА 13.</i> Реставрация династии Хань (25–220 гг.)	208
<i>ГЛАВА 14.</i> Раздел империи (220–589 гг.)	231
<i>ГЛАВА 15.</i> Суй (581–618 гг.)	253
<i>ГЛАВА 16.</i> Тан (618–907 гг.)	263
<i>ГЛАВА 17.</i> Тан (618–907 гг.). Продолжение	281
<i>ГЛАВА 18.</i> Тан (618–907 гг.). Окончание	300
<i>ГЛАВА 19.</i> Пять династий, Десять царств и Сун	320

<i>ГЛАВА 20.</i> Сун (960–1279 гг.)	335
<i>ГЛАВА 21.</i> Монгольская династия Юань (1271–1368 гг.)	351
<i>ГЛАВА 22.</i> Мин (1368–1487 гг.)	369
<i>ГЛАВА 23.</i> Мин (1487–1644 гг.). Продолжение	387
<i>ГЛАВА 24.</i> Китай в эпоху династии Мин	409
<i>ГЛАВА 25.</i> Маньчжурская династия Цин (1644–1911 гг.)	434
<i>ГЛАВА 26.</i> Цин: Опиумные войны и тайпины	449
<i>ГЛАВА 27.</i> На пороге XX века	475
<i>ЭПИЛОГ.</i> Двадцатый век	507
Библиография	528